

Г.К.Валеев

Челябинский университет

Одна башкирско-русская диалектная параллель

Тюркские языки по объективным причинам своего генезиса не сохранили единого названия для определения сосны. На эту роль, видимо, претендовало слово **qaraγai** (однокорневое с монг. **харгай** ‘род сосны’). Здесь оставим без внимания фонетическое и семантическое взаимодействие с древнейших времен слов **qaraγai** и **qaraγač** – букв. ‘черное дерево’ (ДТС, 424). **Qaraγai** в современных тюркских языках означает ‘сосна’ – башк.¹, г-алт. (Будагов II, 43), казах.², тат. диал. (ТТАС II, 51), кирг. (КС I, 347) (**kyzyl qaraγai** букв. ‘красный карагай’), сюда же, видимо, чув. **хыр** ‘сосна’ (ЧРС, 573); ‘ель’, ‘еловый лес’ – кирг. (КС I, 347), тат. диал. (ТТАС II, 51); ‘лиственница’ – тат. (ТТАС II, 51); ‘горный лес’ – кирг. (КС I, 345) (в отличие от **токай** в языке старшего поколения); ‘хвойный’ – карач.³ (**къаракъай терек** ‘хвойное дерево’), башк. кубалаяк. **qaraγai terke** ‘сосны’⁴, узб.⁵

Горные башкиры, проживая со II в. н.э. на Южном Урале, хорошо представляли строительные возможности основного в этом плане материала – сосны и выработали два понятия-слова для ее обозначения. Наряду с родовым понятием **qaraγai** у башкир в основном обозначает строевую боровую сосну, а нестроевую, молодую сосну с заболонью называют **mešä // bešä**, соответственно **qaraγailyq** ‘сосновый

¹ Башкирско-русский словарь. М., 1958. С. 323.

² *Койшыбаев Е.* Казакстаннын жер-су аттары сөздигі. Алматы, 1985. С. 152.

³ Карачаево-балкарско-русский словарь. М., 1989. С. 388.

⁴ *Миржанова С.Ф.* Кубалаякский говор башкирского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1967.

⁵ Ўзбек тилининг изоҳли луғати. М., 1981. Т. 1. С. 313; Т. 2. С. 554.

бор', **mešälek** // **bešälek** 'заросли, посадки молодой сосны'⁶. Слово **mešä** менее распространено по языкам. В азербайджанском **mešä** 'лес, лесной', **mešälik** 'лесное пространство, роща, полесье'⁷. В турецком **meşe** 'дуб', **meşelik** 'дубовый лес, заросли дуба', откуда болг. **мешельк** 'то же'. Из азерб. слово прошло в лезг. **миша** 'лес'. Слово представлено в топонимах **Мешабаш**, **Карамеша**, **Карамамеша**, **Узунмеша**, **Мешали**, минеральный источник **Мешасу** в Азербайджане (Мурзаев, 370), с. **Мешеоба** 'селение (кочевье) в лесу', р. **Бишеру** 'лесная река'⁸. Возможно, как предполагает Р.Юзбашев, азерб. **mešä** сопоставимо с иран. **bišä**. В перс. **бише** 'роща, чаща, лесок, заросль'⁹. Слово **bišä** со значением 'лес, роща' из дидактической поэмы "Врата истин" Ахмеда Югнеки, поэта первой половины XIII в., попало в "Древнетюркский словарь" (ДТС, 103). Поэтому вопрос, кто у кого заимствовал слово **mešä**, остается открытым. Семантические дериваты этого слова сохранились в чувашском: **миша** 'межа, граница'; **мишавай устар.** 'межевик, землемер', 'межевой столб'; **мишалук диал.** 'ежевика' (ЧРС, 245).

Для нашего исследования важно, что только в башкирском **qaraqai** и **mešä** является семантической парой, а **mešä** называет отдельную молодую незрелую сосну, а не лес и не что-то другое. Естественно, что слово **qaraqai**, обобщая понятие 'сосна', нашло свое отражение в сотнях топонимов на территории исторического расселения башкир: в Башкирии и Татарии, Оренбургской, Челябинской, Курганской, Свердловской, Саратовской, Пермской, Ульяновской, Самарской областях, а **mešä** // **bešä** – в единичных гидронимах: р. **Bišäle** (рус. **Бишале**) в Бурзянском районе Башкортостана (СТ

⁶ В "Башкирско-русском словаре" (С. 97) приводится только один фонетический вариант слова **bešä**, **bešälek** с одним практически значением для обоих слов – 'заросли молодой сосны и ели', хотя нам чаще приходилось слышать словоформы с носовым сонантом **m**.

⁷ Азербайджанско-русский словарь. Баку, 1985. С. 90, 241.

⁸ *Юзбашев Р.* Азербайжан чоГрафија терминлары. Баку, 1966. С. 146.

⁹ Персидско-русский словарь. М., 1983. Т. 1. С. 244.

БАССР, 36); р. **Jske Mišä** (рус. Старая Миша), р. **Jaņa Mišä** (рус. Новая Миша); басс. **Oly Mišä** (рус. Великая Миша) в Татарстане¹⁰.

Оппозиция **qaraγai** ‘зрелая строевая красная сосна’ – **mešä** // **bešä** ‘молодая нестроевая болонистая сосна’ в башкирском языке исчерпывающе характеризует бытовое понимание понятия ‘сосна’. Поэтому обнаружение в верхнебельском говоре восточного диалекта еще одного слова **mandyš** со значением ‘bešä’ первоначально озадачило нас. Слово оказалось достаточно продуктивным и интересным в фонетическом и семантическом отношениях. **Mandyš** в кизильском говоре восточного диалекта – ‘сосна, растущая в сырых местах’; **māngäš** (кубалакский говор того же диалекта) совмещает оба значения – ‘молодая сосна’ и ‘болотная сосна’; **mändäš** в караидельском говоре северо-западного диалекта означает ‘сосна, начавшая загнивать’, а также ‘сосновая кора’ (БДС I, 155, 156; III, 143). Достаточно уверенно можно сказать, что эти слова отразились в двух топонимах: р. **Möndeš** (рус. Мендюш) в Сабинском районе и д. **Möndeš** в Арском районе Татари. Названия среди других толкований имеют и объяснение через башк. **мандыш** ‘сосна, начавшая загнивать’¹¹. В Башкортостане есть д. **Mindeš** (рус. Миндишево, Миндешево) в Салаватском районе (СТ БАССР, 106; СГН БАССР, 74), название которой также, возможно, произошло от **mändyš**.

То, что слово **mändäš** и его производные отражаются в ряде говоров восточного и северо-западного диалектов, позволило башкирскому диалектологу С.Ф.Миржановой сделать следующий вывод: “В башкирских говорах заметно проявляются элементы пермских, мордовских, марийских и

---

¹⁰ *Гарипова Ф.Г.* Татарстан гидронимнары с злеге. Казан, 1984. С. 51, 54, 86. Следует упомянуть, что в татарском языке сосна обозначается словом **narat** (ТТАС II, 51), а **mešä** в татарском и его диалектах не фиксируется. Возможно, от корня **mešä** // **bešä** образовались также гидронимы **Bisäi** (СТ БАССР, 36: авторы словаря объясняют топоним через этноним **bisäi**), **Bišalap** (СГН БАССР, 30).

¹¹ *Гарипова Ф.Г.* Татарстан гидронимнары с злеге. С. 84.

прибалтийско-финских языков. Территориальные и длительные хозяйственные контакты тюркских народов Поволжья с носителями указанных языков привели к возникновению тесных взаимосвязей языков и к непосредственным и опосредованным языковым заимствованиям, например: **кандауай** – рус. **кондовый** ‘зрелая строевая сосна’ и **конда** в коми языках; **мандыш** // **мэнг. ш** – рус. **мяндач** ‘развесистая сосна с толстой корой, растущая в сырости’ и **мандач, мендач** в коми языках”¹².

Действительно, в коми языке имеется слово **мандач** ‘болотная, мяндовая сосна’ и *собир.* ‘болотный сосняк, болотный лес’ (КРС, 398). В других доступных нам словарях финно-угорских языков, контактирующих с башкирским языком, мы слово **мандач** не нашли.

К тому же башк. **mändäš, meŋgäš** не могли произойти от коми **мандач** и по фонетическим соображениям. Конечный ч (č) в башкирском должен дать с (s), например: **печь** – **mejes, mies, miš**; **калач** – **qalas**; **Пугачев** – **Buyas // Boyas**. Поэтому общий для коми языка и башкирских говоров источник мы видим в русских диалектах.

Действительно, в них имеется обширное словообразовательное гнездо производных от **мянда** // **мэндá** слов: **мяндач** // **мэндáч, мендáчка, мяндина** // **мэндина, мендúха, мяндáк** // **мендáк, мяндóвник, мяндáчина** // **мендáчина, мяндочина** (удар.?), **мендáж, мяндаш** // **мендáш, мендáшник, мяндáчник, мендáжник, менгáч, мяндóвый** // **мэндóвый, мендáчный, мэндашный, мендяжный**.

Они известны во всех русских говорах Севера Европейской части страны и Сибири с тремя корневыми значениями: 1) ‘сосна с непрочной, недоброкачественной древесиной’, ‘дерево, растущее на краю леса, обычно сучковатое’; ‘редкослойное дерево’; ‘редкослойная сосна с хорошо заметной сердцевинной’; ‘сосна белая или даже синяя, растущая не

¹² *Миржанова С.Ф.* Финно-угорские элементы в говорах башкирского языка // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1971. Т. 4. С. 284.

на своей почве'; 'болотная сосна, редкослойная, рыхлая, не-смолистая, дрябловатая'; 'слоистое дерево с мягкой древесиной'; 2) 'неплотный, непрочный слой древесины, находящийся непосредственно под корой', 'лесоматериал низкого качества с сучьями и дряблой древесиной'; 3) 'низкоствольный кривой стелющийся лес'; 'мелкий сосновый лес', 'лес со слабой недоброкачественной древесиной'; 'нестройной лес (кривоствольный, трухлявый, дуплистый)', 'гниющий на корню сосновый лес'; 'лес с крупнослойной мягкой древесиной, выросший на сыром месте' (БАС 6, 1448; СРНГ XVIII, 106–108; Даль II, 374; СГКК, 194; Приамур. сл., 153; Новоси�. сл., 295; Элиасов, 201).

Слово **мянда** впервые фиксируется со знаком вопроса в словаре И.И.Срезневского (*На Кондратовъ мохъ да на высокую мянду*) под 1492 г. (Срезневский II, 255), а **мяндачь** со значениями 'мелкий сосновый лес на болоте', 'древесина болотной сосны'; **мяндовый** 'редкослойный, не смолистой (о дереве)' – начиная со второй половины XVII в. (СРЯ XI–XVII вв. 9, 343–344).

Слова **мянда**, **мяндач**, **мяндовый** с вариантами могли войти в русский язык из западно-финских языков. В эстонском **mänd** 'сосна', **männi**, **mänd** 'сосновый', **männik**, **männimets** 'сосняк'¹³; в финском: **mänty** 'сосна', **männyn**, **mänty-innen** 'сосновый', **mäntymetsä**, **mänty (puu)** 'сосняк', **männikkä** 'сосняк'¹⁴; в карельском: **mändu** 'сосна'¹⁵.

Поэтому многочисленные топонимы с основой **мянда** находим на европейском северо-западе страны: оз. **Мяндозеро** на Онежском п-ве; н.п. **Мяндусельга** на западе от Медвежьегорска в Карелии; г. **Мяндуха** по л.б. р. Онеги; **Мянники** – местность близ Таллина (Мурзаев, 384–385).

¹³ Мухоль В. Русско-эстонский словарь. Таллин, 1970. С. 680.

¹⁴ Русско-финский словарь. М., 1963. С. 816.

¹⁵ См. также: *Востриков О.В.* Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // *Этимологические исследования.* Свердловск, 1981. С. 8, 11–12.

Богатое словообразовательное гнездо и обширная география заимствования **мянда** // **менда** позволяют нам возвести его освоение русскими, конкретно новгородцами, к самому раннему периоду контактов с прибалтийскими финнами. Небольшой исторический экскурс в подтверждение сказанному. Б.А.Рыбаков, изучив древнерусское ремесленное производство, пришел к выводу, что “плотники не могли уже быть сезонными работниками, совмещавшими свое производство с земледелием, так как время плотничных работ, лето, совпадало с полевыми работами. Зимой готовили бревна для строек, весной пригоняли лес в город плотами, летом строили”¹⁶. Новгородцы по всей Руси славились как искусные плотники. Местность за Плотничким ручьем на Торговой стороне Новгорода до XIV в. называлась “В плотниках” Когда в 1016 г. Ярослав Владимирович (Ярослав Мудрый) во главе новгородского войска три месяца противостоял на берегу Днепра своему сводному брату Святополку, не решаясь форсировать реку, “и воевода нача **С(вя)тополочъ ѣзда възлѣ берегъ. ѹкаряти Новгородцѣ глаголя. что придосте с хромьцемъ симъ** (т.е. с Ярославом, который был хромым (?)) от рождения. – Г.В.). **о вы плотници суще. а приставимъ вы хоромомъ рубити нашимъ**” (так в Лаврентьевской летописи! – Г.В.)¹⁷.

При таком активном гражданском, фортификационном и церковном строительстве из дерева и отсутствии точного славянского соответствия основным разновидностям главного строительного материала – сосны русские быстро усвоили прибалтийско-финские слова для строительной “борово́й (не болотной) сосны, крепкой мелко­сло­й­ной и смо­ли­стой, расту­щей на сухом месте” – **конда** и “болотной, ред­ко­сло­й­ной, рыхлой, несмо­ли­стой, дряб­ло­ва­той сосны” – **мянда** (Даль II, 150, 374; Фасмер III, 30; II, 308–309; Преображенский I, 583,

¹⁶ Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. Б.м., 1948. С. 408.

¹⁷ Лаврентьевская летопись 1377 г. // Полное собрание русских летописей. Л., 1926. Т. 2. Стлб. 142.

344)¹⁸, сохранив славянское **сосна** как родовое название. Новгородская колонизация, а затем русская экспансия на восток разнесли прибалтийско-финскую семантическую пару **конда** – **мянда** со всеми производными от Балтики до Тихого океана, и наверняка ее следы обнаруживаются не только в коми и башкирском, но и в других языках, контактировавших с русским языком на этом обширном пространстве. Поэтому сопоставление Е.Н.Шиповой слова **конда** только в одном из его значений (‘сухой на корню, подстойный хвойный лес’ – Даль II, 150) с тат. бар., г-алт., тел., леб., казах., кирг. **kõñdõj** (**ауас**) ‘пустое (дерево)’, образованным от звучащего (вследствие пустоты) дерева¹⁹, является некорректным.

Если оппозиция **конда** – **мянда** заполнила семантическую пустоту, то суффиксальный дериват **мяндач** // **мендач** с собирательным значением ‘сосняк’ пополнил собой новый синонимический ряд: **пихтач** – **кедрач** – **мелкач** (*диал.* ‘мелкий лес’) – **мяндач**.

В башкирском языке из-за наличия своей пары **qarayai** ‘строительная боровая сосна’ и **mešä** ‘молодая нестройная сосна’ оппозиция **конда** – **мянда** была избыточной. Только однажды диалектный словарь фиксирует слово **kandauai** (восточный диалект) ‘матерая стройная сосна’ от явного адъективного определения – **кондовая (сосна)** (БДС I, 99). Слово **мяндаш** // **мендаш**, однако, получило некоторое распространение. По произносительным нормам башкирского языка только от этих форм образовались **mändäš**, **mandyš**, **meñgäš**. На наш взгляд, значения ‘незрелость, дряблость, рыхлость, влажность’, содержащиеся в заимствованном корне **mänd** // **mand** оказались созвучными фонетически и семантически общетюркским основам **man** // **ban** ‘мочить, макать’; **mañ** ‘сопли’, ‘сап (у лошади)’; **män** ‘сперма’, ‘семя’; **mäñ** ‘мозг’,

¹⁸ См. также: *Горьев Н.* Этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896. С. 154, 223.

¹⁹ См.: *Шипова Е.Н.* Словарь тюркизмов русского языка. Алма-Ата, 1976. С. 194.

хорошо представленным и в башкирском языке (Радлов IV (2), 1470, 2007, 2015, 2066, 2070, 2080, 2085; Будагов II, 201, 260; ДТС 336, 339). Тюркские корни хорошо отразились, видимо, и в многочисленных гидронимах на **män(ä)** // **ман(а)**. Смысловое равенство позволило сдублировать в верхнебельском и кубалакском говорах восточного диалекта башкирское **mešä**, новым соответствием **mandyš** и **meŋgäš**. Эта же семантическая близость позволила родиться на стыке заимствованного **мяндаш** // **мендаш** и тюркских основ в сальютском говоре того же диалекта деривату **mantäša** со значением 'šäre' – наледь (БДС I, 155), а по говорам **šäre** имеет широкий диапазон значений: 'влажный, липучий (о снеге)', 'склизкий', 'слезящийся (о глазах)', 'мокрый, сырой, промозглый (о погоде)', 'грязный' и т.д.

Итак, типологическую параллель мы видим в том, что башкирский и русский языки единственные в славянском и тюркском мире развили, либо спонтанно на гомогенной тюркской основе, как башкирский, либо через адстратное заимствование, как русский, семантические оппозиции **qaraŋai – mešä** // **bešä** и **конда – мянда** // **менда** для выражения хозяйственно важных значений 'зрелая строевая боровая сосна' – 'молодая незрелая болотная сосна' при родовом понятии **qaraŋai** и **сосна**. Заимствованные в русские диалекты из тюркских языков **карагай** и в диалекты башкирского языка **мандач** // **мендач** обогатились новыми семантическими коннотациями и значительно расширили лексические возможности принимающих диалектов.